

Сборник статей В. И. Засулич

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С23

С23 Сборник статей В. И. Засулич: Том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2025. – 362 с.

ISBN 978-5-519-85865-6

ISBN 978-5-519-85865-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Жанъ-Жакъ Руссо.

СОДЕРЖАНІЕ.

Вступленіе	1
Глава I-я. Главныя черты господствующей доктрины .	7
II-я. Взгляды Руссо на развитіе человѣчества	42
III-я. Политическіе взгляды Руссо	84

Содержаніе I-го тома.

1. Жанъ-Жакъ Руссо 1—144
 2. Вольтеръ, его жизнь и литературная дѣятельность 145—243
 3. Очеркъ исторіи международнаго общества рабочихъ 245—318
 4. Замѣтки читателя по поводу упраздненія гг. Туганомъ-Барановскимъ и Струве ученія Маркса о прибыли. 1— 33
-

Жанъ-Жакъ Руссо.

ВСТУПЛЕНИЕ.

„Мой литературный дебют“, говорит Руссо въ „Исповѣди“¹⁾, „привелъ меня новой дорогой въ иной умственный міръ, простой и гордый строй котораго возбуждалъ мой энтузіазмъ. Постоянно занимаясь имъ, я скоро сталъ видѣть сплошныя заблужденія и нелѣпость въ доктринахъ нашихъ мудрецовъ, сплошной гнетъ и нищету въ нашемъ общественномъ строѣ. Подъ дѣйствіемъ иллюзій, созданной одной моею гордостью, я счелъ себя способнымъ разсѣять обаяніе всего этого“.

Подъ „доктриной нашихъ мудрецовъ“ Руссо подразумѣваетъ здѣсь пріобрѣтавшую все большее и большее обаяніе новую философію просвѣтителей. И на самомъ дѣлѣ: хотя полемическими по формѣ являются у Руссо лишь нѣкоторыя второстепенныя брошюры и статьи, направленныя въ большинствѣ случаевъ не противъ новой философіи, однако по существу во всѣхъ его главнѣйшихъ произведеніяхъ, даже наиболѣе далекихъ по формѣ отъ всякой полемики,—не только въ „Рѣчи о неравенствѣ“, которая вся направлена противъ главнѣйшихъ положеній „нашихъ мудрецовъ“, но даже въ „Эмилѣ“ или „Общественномъ договорѣ“—все наиболѣе продуманное, всего полнѣе принадлежащее самому Руссо, стоитъ въ полнѣйшемъ противорѣчій съ общественными, моральными или политическими теоріями просвѣтителей.

Подъ конецъ жизни, больной, измученный Руссо, убѣ-

¹⁾ Часть II, книга IX.
Жанъ Жакъ Руссо.

дивившись, что его удары ни на волосъ не поколебали обаянія доктрины и не помѣшали ея носителямъ стать идейными господами дня, всего больше боялся того, чтобы его торжествующіе противники, оклеветавшіе и осмѣявшіе его личность передъ современниками, не ввели въ заблужденіе также и потомство на счетъ истиннаго смысла его идей. Они только ждуть его смерти, чтобы выпустить отъ его имени свои собственныя передѣлки его произведеній. Наткнувшись случайно на плохую перепечатку одной изъ своихъ книгъ, въ которой оказались пропуски и искаженія, онъ въ ужасѣ рѣшилъ, что враги, не дожидаясь его смерти, уже начали свое темное дѣло (*oeuvre de ténèbre*), и такъ и умеръ съ этой мыслью въ душѣ, по истинѣ мучительной для человѣка, столь горячо относившагося къ своимъ убѣжденіямъ.

И странное на первый взглядъ дѣло: страдальческая фантазія больного Руссо дѣйствительно осуществилась. Правда, его враги, *les Holbachiens*, какъ окрестилъ онъ своихъ противниковъ изъ лагеря просвѣтителей, и не думали передѣлывать его произведеній или выпускать свои подъ его именемъ. Произведенія остались нетронутыми, и тѣмъ не менѣе уже къ концу вѣка въ умахъ новаго поколѣнія отдѣльныя фразы Руссо были вставлены, такъ сказать, въ доктрину его противниковъ и въ этой обстановкѣ утратили тотъ смыслъ, который имѣли въ его произведеніяхъ.

Сдѣлали это не враги, а поклонники Руссо, и не по хитрому умыслу, а вслѣдствіе почти безсознательнаго процесса приспособленія идей къ событіямъ, путемъ выборки изъ популярныхъ произведеній всего пригоднаго и пропущенія мимо ушей всего непригоднаго для обоснованія и защиты практическихъ требованій. Тогда и Вольтеру, галантѣйшему поклоннику неограниченной королевской власти, не разъ случалось фигурировать въ качествѣ ея противника ¹⁾.

¹⁾ Во время триумфальнаго перенесенія его тѣла въ Парижъ, среди безчисленныхъ надписей изъ его произведеній, украшавшихъ колесницы, арки, знамена, часто попадалась такая: „мы должны душить своихъ тирановъ“. Напрасно указывали устроителямъ праздника, что слѣдующая же строчка говоритъ о томъ, что „нашими тиранами являются наши страсти“, и что все стихотвореніе имѣетъ морально-

Эта эпоха, когда идеи знаменитыхъ писателей XVIII вѣка имѣли лишь практическую и ни малѣйшей теоретической цѣнности, когда ихъ отдѣльныя фразы и самыя имена употреблялись какъ оружіе, а до истиннаго смысла ихъ произведеній, въ жару схватки, никому не было дѣла—эта эпоха отошла въ прошлое.

Вольтеръ давно возстановленъ въ своемъ правѣ говорить только то, что хотѣлъ сказать; въ значительной степени это произошло также съ Дидро, съ физіократами; другіе писатели того времени полузабыты и рѣдко выводятся передъ публикой. Не то съ Руссо. Его имя до сихъ поръ упоминается чаще, чѣмъ чье бы то ни было изъ его современниковъ, съ десятокъ его фразъ извѣстенъ самой широкой публикѣ, нѣтъ „читателя“, который не имѣлъ бы о немъ какого нибудь, хотя въ большинствѣ случаевъ смутнаго, понятія, и тѣмъ не менѣе нѣтъ писателя, чья умственная физіономія была бы до такой степени искажена, какъ именно его. Неизмѣнно оставались и остаются за нимъ лишь тѣ его взгляды, которые, не заключая въ себѣ по существу ничего оригинальнаго, были съ самаго начала правильно поняты и отчасти приняты его современниками. Таково его пониманіе деизма и критика откровенной религіи, приводившая въ восторгъ всѣхъ просвѣтителей, а больше всѣхъ—Вольтера, относившагося съ ненавистью ко всѣмъ остальнымъ взглядамъ Руссо, но перепечатававшего на собственный счетъ и распространявавшего „Исповѣдь Савойскаго викарія“. Таковы нѣкоторые изъ его взглядовъ на воспитаніе, въ особенности физическое; такова его любовь къ природѣ, къ безыскусственности; таково, но лишь съ формальной стороны, и понятіе объ „общественномъ договорѣ“, какъ основѣ государственной власти. Зато все, что было дѣйствительно оригинальнаго и въ идеяхъ, и въ самомъ методѣ мышленія Руссо, все, въ чемъ онъ рѣзко отличался отъ своихъ современниковъ, извращается во второй половинѣ XIX вѣка всѣми, какъ буржуазными,

правоучительный и ни малѣйшаго политическаго характера. Парижъ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бѣгства въ Вареннъ; нельзя же было позволить триумфатору Вольтеру промолчать объ этой злобѣ дня!

такъ и „интеллигентными“ (въ томъ спеціальному смыслѣ, въ какомъ это слово употребляется въ Россіи) писателями гораздо полнѣе, чѣмъ это дѣлалось въ XVIII. И если бы Руссо могъ прочесть различныя общія и частныя исторіи XVIII вѣка, а также свои біографіи, онъ часто съ ужасомъ увидѣлъ бы себя фигурирующимъ въ качествѣ чистокровнаго „просвѣтителя“ по своимъ основнымъ воззрѣніямъ, въ качествѣ представителя господствовавшаго метода мышленія, иной разъ даже въ качествѣ его „лучшаго представителя“, снабженнаго въ отличіе отъ своихъ современниковъ лишь чрезмѣрной сентиментальностью, да склонностью, подтверждаемой надерганными цитатами, говорить противорѣчащія одна другой безсмыслицы. Еще въ худшемъ положеніи увидѣлъ бы онъ Жанъ Жака у тѣхъ писателей, которые, какъ Луи Бланъ, старательно очистивъ его отъ всѣхъ имѣвшихся у него идей и снабдивъ своими не имѣвшими, противопоставляютъ его нѣкоторымъ изъ его современниковъ, Монтескье въ особенности, въ томъ, въ чемъ онъ былъ съ нимъ согласенъ.

Въ нашу задачу не входитъ полный разборъ безчисленныхъ извращеній, которымъ подвергались взгляды Руссо, и мы коснемся по пути лишь тѣхъ изложеній или характеристикъ этихъ взглядовъ, которыя наиболѣе извѣстны русскимъ читателямъ. Мы не беремъ на себя и очень интересную, по нашему мнѣнію, но слишкомъ обширную задачу выясненія всѣхъ причинъ, дѣлавшихъ „простые и гордые“ взгляды Руссо непонятными, какъ съ чисто буржуазной, такъ и съ интеллигентной точки зрѣнія, хотя надѣемся, что нѣкоторыя изъ этихъ причинъ все же выяснятся тѣмъ читателямъ, которымъ намъ удастся выяснить общественныя идеи Руссо. Наша задача заключается лишь въ томъ, чтобы присмотрѣться къ этимъ плебейскимъ идеямъ XVIII вѣка, съ той единственной (плебейской тоже) точки зрѣнія XIX вѣка, съ которой онѣ не возбуждаютъ неодолимой внутренней потребности отдѣлаться отъ нихъ такъ или иначе, извратить или объявить парадоксальными.

Отмѣтимъ, однако, одно изъ второстепенныхъ обстоятельствъ, значительно облегчающихъ желательное непониманіе взглядовъ Руссо. Несмотря на прекрасный языкъ и конкретную ясность мыслей этого писателя, историка, беру-

щемуся за краткое изложеніе „идей XVIII-го вѣка“, необходимо было бы потратить гораздо больше напряженнаго вниманія и труда для выясненія себѣ взгляда Руссо на тотъ или другой вопросъ, чѣмъ это требуется по отношенію къ любому изъ его современниковъ.

Въ большей части своихъ теоретическихъ произведеній Вольтеръ высказывается почти цѣликомъ: въ каждый изъ своихъ „философскихъ словарей“, сборниковъ, чуть не въ каждый изъ „Діалоговъ“ онъ вкладываетъ весь свой философскій багажъ или значительную часть его. Онъ повторяется безъ конца, повторяется умышленно, съ педагогической цѣлью, чтобы заставить читателей запомнить главнѣйшія положенія новой философіи. Повторяются или, вѣрнѣе, излагаютъ, каждый въ свою очередь, одно и то же ученіе всѣ фізіократы. Повторяются и Гольбахъ, и Мабли.

Руссо, по своимъ собственнымъ признаніямъ и по отзывамъ другихъ, могъ писать хорошо лишь тогда, когда самъ былъ весь охваченъ своимъ предметомъ. Онъ въ большинствѣ случаевъ для себя самого окончательно выяснялъ и фиксировалъ свои мысли, лишь приступая къ работѣ. Разъ высказавши ихъ по данному предмету, онъ шелъ дальше, развивалъ другую сторону своихъ взглядовъ, возвращаясь къ первой лишь для того, чтобы сдѣлать то или другое измѣненіе высказаннаго, но уже никогда не повторяя разъ приведенныхъ доказательствъ. Его теоретическія произведенія объясняются одни другими, и всякое послѣдующее предполагаетъ предыдущія извѣстными, какъ замѣчаетъ самъ Руссо въ „Письмѣ къ Парижскому архіепископу“, упрекая этого „критика“ „Эмиля“, за игнорированіе „Рѣчи о неравенствѣ“. Поэтому не только отдѣльныя фразы или тирады изъ теоретическихъ произведеній Руссо не могутъ быть поняты въ томъ смыслѣ, какой придавалъ имъ авторъ, если не имѣть въ виду всей совокупности его взглядовъ, но даже его отдѣльныя произведенія (кромѣ автобіографическихъ, да „Новой Элоизы“) при игнорированіи остальныхъ говорятъ не все то и не совсѣмъ то, что хотѣлъ высказать въ нихъ авторъ. Характеризовать его взгляды двумя, тремя цитатами неизмѣримо труднѣе, чѣмъ любого изъ его современниковъ, не говоря уже о томъ, что для историка, заранѣе рѣшившаго привести взгляды Руссо къ одному знаменателю съ

господствовавшими въ XVIII вѣкѣ идеями, нѣтъ возможности открыть въ его произведеніяхъ хоть какой-нибудь разумный смыслъ.

Въ западной Европѣ рѣшеніе спора, начатаго Руссо съ своими современниками, уже отмѣчено самою жизнью. Если и до сихъ поръ буржуазные писатели продолжаютъ мимоходомъ извращать взгляды Руссо, а иногда даже дѣлаютъ ему честь вдругъ наброситься и наклеветать на него, какъ будто бы онъ былъ живымъ кандидатомъ противной стороны при выборахъ, то это дѣлается лишь по историческому сочувствію, отчасти по привычкѣ и желанію закрыть глаза на современное положеніе поднятыхъ въ XVIII вѣкѣ вопросовъ. Но, во всякомъ случаѣ, какъ Руссо, такъ и его противники XVIII-го вѣка говорятъ объ обществѣ, уже отошедшемъ въ прошлое, и ни тотъ, ни другіе ничего не знаютъ о современной западной Европѣ. Тѣмъ не менѣе намъ кажется очень интереснымъ еще разъ взглянуть на идеи Руссо съ нашей точки зрѣнія, съ которой онъ подробно еще не разсматривались, тѣмъ болѣе интересно, что нѣкоторыя черты великаго спора XVIII вѣка, въ другой формѣ, конечно, въ другихъ идейныхъ сочетаніяхъ, еще живы въ восточной Европѣ, какъ живы, тоже въ иной формѣ и въ иныхъ комбинаціяхъ, условія, вызвавшія этотъ споръ во Франціи XVIII вѣка.

Въ настоящемъ очеркѣ насъ интересуютъ главнымъ образомъ именно тѣ взгляды Руссо, въ которыхъ онъ всего полнѣе расходился съ огромнымъ большинствомъ своихъ современниковъ, и которые составляютъ въ то же время наиболѣе существенную, самостоятельную и глубоко продуманную часть его взглядовъ. Поэтому, прежде чѣмъ говорить объ идеяхъ самого Руссо, попытаемся намѣтить тѣ черты разроставшихся одновременно съ его литературной дѣятельностью доктринъ, обаяніе которыхъ онъ старался разрушить.